

Исаак Кобылянский

Прямой наводкой по врагу

«Яуза»

Кобылянский И.

Прямой наводкой по врагу / И. Кобылянский — «Яуза»,

ISBN 5-699-10780-0

Автор этой книги начал воевать в 1942 году под Сталинградом. Он был тогда сержантом, командиром орудийного расчета батареи 76-мм полковых пушек, носивших прозвище «Прощай, Родина!» за их открытые позиции у переднего края. В отличие от многих военных мемуаров книга не утомит читателя описаниями баталлий, в ней рассказано лишь о нескольких драматически сложившихся боях. Гораздо больше места уделено искреннему рассказу о восприятии войны поначалу неопытным городским парнем, верившим официальной пропаганде. Откровенные, с долей юмора рассказы о собственных заблуждениях и промахах, о многих «нештатных» ситуациях на войне вызывают улыбку, но чаще заставляют задуматься. Вместе с автором героями книги стали его однополчане. С неподдельной теплотой он описывает самых близких друзей, подлинных героев войны.

ISBN 5-699-10780-0

© Кобылянский И.

© Яуза

Содержание

Предисловие	5
Часть первая КАКИМ Я БЫЛ В КАНУН ВОЙНЫ	6
Глава 1 В Виннице	6
О родителях	6
Детство. Школа	7
Глава 2 Киев	13
Отличник из провинции в столичной школе	13
Киевские спецшколы	13
Вера	14
Студент	16
Часть вторая ВОЙНА	18
Глава 3 Как я встретил войну	18
Киев – первые дни войны	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Исаак Кобылянский

Прямой наводкой по врагу

Предисловие

Поколению моих ровесников, которые начали воевать в возрасте 18—20 лет, принадлежит немалый вклад в победу над Германией в Великой Отечественной войне. Мне представляется, что в своем большинстве те из нас, кто уцелел к концу войны, были рядовыми, сержантами, лейтенантами – людьми, по-настоящему познавшими «окопную правду». Приступая к написанию этой книги, я решил начать ее с рассказа о моем предвоенном детстве и отрочестве в надежде, что это поможет читателю понять, как формировались личности будущих молодых фронтовиков под влиянием мощной партийной пропаганды и исторических событий, происходивших в нашей стране. Естественно, выросший в более-менее благополучных городских условиях парень – не самый типичный представитель этого поколения, но и таких, как я, на фронте было предостаточно.

Небольшая заключительная часть этой книги относится к послевоенным 1946—1947 годам. Рассказывая о происходившем со мной в эти два года, я старался одновременно воссоздать картину невероятно трудной жизни в Киеве, который лишь начинал отстраиваться.

Основной объем предлагаемой книги составляют ее вторая и третья части, посвященные войне. В них, естественно, описан ряд боевых эпизодов, в которых я участвовал. Вместе с тем значительное место здесь занимают размышления автора о поведении человека на войне, о взаимоотношениях между воинами. Читатель встретит также немало страниц, описывающих наш фронтовой быт, что для многих будет не менее познавательно, чем конкретный боевой опыт автора. Хочу подчеркнуть: почти все, о чем вы здесь прочитаете, основано на опыте и впечатлениях человека, воевавшего в полковой батарее **конкретного** стрелкового полка на **определенных участках** огромного советско-германского фронта. Поэтому вполне вероятно, что в других подразделениях и на других фронтах могли иметь место условия и обстоятельства, значительно отличавшиеся от тех, с которыми сталкивался я. Более того, я попал на фронт в октябре 1942 года, так что большой и очень трудный период войны остался вне моего поля зрения.

Не исключаю также, что фронтовики с другим жизненным опытом воспринимали происходившее на войне иначе, чем я, двадцатилетний.

И еще одна оговорка: вполне возможно, что где-то в описании того, что происходило шестьдесят и более лет назад, я буду не совсем точен, так как память человеческая несовершенна. Однако авторскую непредвзятость обещаю.

Выражаю признательность руководителю интернет-сайта «Я помню» Артему Дробкину, который был инициатором написания этой книги и дал ряд ценных советов при ее подготовке к изданию.

Часть первая КАКИМ Я БЫЛ В КАНУН ВОЙНЫ

Глава 1В Виннице

О родителях

Мой отец Григорий Исаакович Кобылянский родился в 1894 г. в небольшом селе Киевской области. Малообеспеченная еврейская семья была многодетной (шестеро выживших детей), поэтому ребенок с шести лет воспитывался вдали от родителей, в доме более состоятельной бабушки. Она была очень требовательной по части соблюдения религиозных правил и ритуалов. Какое-то время мальчик учился еврейской грамоте и молитвам у местного раввина. В четырнадцать лет он переезжает в Киев под опеку сестры, муж которой трудоустроил паренька в строительную компанию «мальчишкой на побегушках». Вскоре Григорий стал помощником десятника. Обогатившись опытом на строительствах и овладев русской грамотой, он в 1915—1918 гг. уже в ранге техника представлял компанию на строительстве железнодорожной ветки под Петроградом. Здесь его застала Октябрьская революция.

Я, к сожалению, никогда не спрашивал отца, как он воспринял революцию. Уверен, что, как человек, с детских лет вынужденный зарабатывать свой хлеб и познавший понятие «черты оседлости для инородцев», он с симпатией воспринял победу большевиков. Никогда в детстве не слышал я от него слов осуждения советской власти. В моей памяти он всегда был законопослушным гражданином. Когда, бывало, ему ставили в пример кого-нибудь из преуспевающих (благодаря незаконным махинациям) знакомых, отец всегда отвечал: «Не желаю я такого богатства, по ночам хочу спать спокойно».

Моя мать Евгения Абрамовна Кобылянская родилась в 1896 г. в маленьком городке Житомирской области. Ее отец был мелким служащим на местном сахарном заводе. В семье было шесть дочерей. В 1913 г. мать сдала экстерном экзамены в Одесской женской гимназии. Затем закончила зубоветеринарную школу в Киеве. В 1916 г. (шел третий год Первой мировой войны) работала зубным врачом в госпитале. В 1917 г. вернулась в Киев, где провела беспокойные годы Гражданской войны и многократной смены властей. В страшные дни и ночи петлюровских погромов пряталась у православных соседей.

Родители вступили в брак в 1920 г. Их первый ребенок (это был я) появился на свет в 1923 г. Меня назвали Исааком в честь деда. Второго сына, Толю, мать родила в 1931 г.

К моменту моего рождения и отец, и мать были безработными, жили в нужде. Комнату обогревала «буржуйка», которую топили опилками. Спустя несколько месяцев семья переехала в Винницу. Здесь отец начал работать в бухгалтерии городского хлебозавода. Постепенно продвигался по службе. В 1935 г. отец уже был главным бухгалтером «Обл-заготскот», а с 1937 г. – главным бухгалтером «Укрзаготскот» в Киеве. В годы войны отец работал в тыловой прифронтовой службе по снабжению действующей армии скотом и мясом. В начале 1944 г. вернулся в освобожденный Киев на прежнюю работу.

Мать работала по специальности в Виннице, затем в Киеве. В период эвакуации с 1941 г. по 1944 г. вместе с младшим сыном находилась в глухом башкирском селе, работала стоматологом в местной больнице. Условия их жизни были труднейшие. После возвращения из эвакуации посвятила себя семье.

Признанным главой семьи всегда был отец.

Я всегда с благодарностью вспоминаю родителей, которые не только заботились о моем здоровье, о том, чтобы я был сыт, одет, обут, но и привили мне тягу к знаниям.

Детство. Школа

Когда мне было четыре года, я уже умел складывать слова из кубиков с картинками. С тех пор в доме начали появляться детские книжечки (от невинного просветительского «Мой-додыра» до политически нацеленного «Мистера Твистера»). В 1928 году я начал получать ежемесячный журнал для дошкольников «Искорка». Всю эту печатную продукцию я с интересом читал. Нравилось мне также читать газетные заголовки. (Помню курьезную историю с названием рубрики «Последние известия» в газете, которую получали родители. Прочитав однажды эти слова, я был убежден, что больше никогда в газете их не будет, ведь они последние. Каково же было мое недоумение, когда я увидел этот же заголовок в очередном выпуске газеты!)

Видно, судьбой было назначено, чтобы с первых дней учебы в школе я привык занимать позицию лучшего ученика класса (теперь эту привычку иногда называют «синдром отличника»). Ситуация, которая определила мое бессменное лидерство в классе, была, в общем-то, случайной. Дело в том, что ближайшая к нашему дому русская школа в 1930 г. набирала два первых класса. В один из них принимали детей, хотя бы немного владевших грамотой, он назывался «грамотным классом», в другой принимали неподготовленных детей, это был «неграмотный класс». Из-за того что меня привели в школу лишь накануне начала учебного года, когда «грамотный» класс был полностью укомплектован, я попал в «неграмотный» (а ведь я тогда уже умел не только читать, но и писать), и это обрекло меня быть «первым учеником» в течение нескольких лет. В большинстве своем учащиеся нашего «неграмотного класса» действительно не умели читать и писать, и я долгое время откровенно скучал на уроках.

Во втором классе нам объявили, что все ученики стали октябрятами. Это означало, что мы взойшли на первую ступеньку политической структуры нового общества, задуманной партией в виде лесенки: октябренок – пионер – комсомолец – коммунист. В классе были образованы три звена. Как лучший ученик, я был назначен одним из звеньевых.

Почему-то в памяти не сохранилось мое пионерское прошлое, хотя, как почти все ученики, в четвертом классе я уже был пионером. Зато четко помню, что с долей зависти читал в «Пионерской правде» о «пионерских центнерах» колосков, собранных школьниками после уборки колхозного урожая, о тоннах сданного металлолома и других достижениях моих ровесников. Хотелось тоже принести пользу стране. И когда в нашей школе был объявлен сбор бумажной макулатуры, мой вклад оказался самым весомым (помог отец: я собрал много ненужных бумаг в конторе, где он работал бухгалтером). Помню, как в 1934 г. я узнал о назначенном на выходной день комсомольском субботнике по уборке школьного двора. До комсомольского возраста я тогда еще не дорос, но пришел в школу и выполнял какие-то мелкие поручения комсомольцев.

Убедившись в том, что учеба дается мне без труда, а мои школьные успехи стабильны, родители к окончанию третьего класса решили, что мне следует приступить к изучению немецкого языка. Был найден недорогой учитель-надомник, лет сорока немец по фамилии Бенке, обитавший с семьей в сырой полутемной комнатухе. Жили Бенке очень бедно, помню его потрепанную одежду и царивший в доме неприятный запах подгорелого рыбьего жира, на котором жена учителя готовила еду.

Вероятно, Бенке не был профессиональным преподавателем. Сужу об этом по тому, как он учил меня: требовалось заучивать наизусть все формы склонений и спряжений, все времена глаголов, включая их вершину – «плюсквамперфект». Но, несмотря на казавшиеся скучными занятия, я вскоре почувствовал их плоды, и появился интерес. Около двух лет учебы, по одному занятию в неделю, заложили прочную основу знания языка. Это позволило мне в последующие годы уверенно читать, писать, переводить на русский язык немецкие тексты как в школе, так и в институте. Много раз в жизни я с благодарностью вспоминал о мудром реше-

нии родителей и об уроках Бенке. Знание немецкого языка очень пригодилось мне на фронте. О том, что я бегло читаю и умею разговаривать по-немецки, в полку знали многие. Поэтому, как только наши разведчики или пехотинцы захватывали «языка», его, прежде чем доставить в штаб полка, приводили на огневые позиции пушек моего взвода, обычно располагавшегося в нескольких десятках метров от траншей пехоты. Здесь происходил самодеятельный допрос захваченного немца, я просматривал содержимое его бумажника. Нередко там можно было обнаружить отпечатанные на тонкой «папиросной» бумаге скабрзные стишки. Слушая мой перевод «открытым текстом», наши солдаты покатывались от смеха. Знание немецкого языка особенно пригодилось мне накануне падения Кенигсберга. Об этом расскажу во второй части книги.

Учеба у Бенке дала мне также новых приятелей. Одновременно со мной брал у него уроки Витя Виденский из параллельного класса. Я знал, что Виктор такой же «первый ученик» в своем «грамотном» классе, как я в моем «неграмотном». Встречаясь на занятиях у Бенке, мы больше узнали друг друга и вскоре стали приятелями. Общение с Виктором быстро избавило меня от возникавших мыслей об интеллектуальном превосходстве над сверстниками. Мы часто встречались за шахматной доской, где наши силы были примерно равны. Благодаря Виктору я познакомился и вскоре так же близко сошелся с его соучеником и приятелем Игорем Войцеховским, чистой благородной натурой, очень близоруким, худеньким, немного сутулым мальчиком, на вид совсем беззащитным. Наше общение втроем, не только за шахматной доской, было почти регулярным до дня моего отъезда из Винницы в июне 1938 года.

Забегая вперед, расскажу, как сложились в годы войны судьбы Виктора и Игоря.

В 1939 г. на уроке физкультуры Виктор упал с турника и сломал руку. Из-за неправильной фиксации кости он на всю жизнь стал непригодным к военной службе. В 1941 г. вместе с матерью, братишкой и бабушкой эвакуировался на восток страны (его отец в 1938 г. был арестован и вскоре расстрелян как «враг народа»).

Игорь не эвакуировался, оставался в Виннице. В первые месяцы оккупации города ему, имевшему подходящие анкетные данные (национальность, происхождение и непричастность к комсомолу), удалось стать работником канцелярии городской управы. Пользуясь предоставленной возможностью и пренебрегая опасностью, Игорь сумел переоформить документы нескольким бывшим соученицам, «превратив» их из евреек в дочерей украинского народа. Кроме того, ему на службе заранее становились известными даты предстоящих отправок местной молодежи на работы в Германию. Через друзей Игорь оповещал об этом многих парней и девушек, давая им возможность вовремя «исчезнуть». Опасная деятельность Игоря продолжалась около года, пока кто-то не донес на него полиции. Игоря схватили, и вскоре он был повешен. Когда окончилась война, юного героя посмертно наградили медалью партизанской славы.

Самым страшным событием в годы моей учебы в младших классах был голод 1933 года, охвативший главным образом сельские районы Украины. Я жил в городе, поэтому расскажу только о том, что видел своими глазами. По-моему, это была поздняя весна, когда на нашей улице по утрам появлялись одетые в зимнее странные человеческие фигуры, мужчины и женщины с потемневшими одутловатыми лицами и невероятно распухшими конечностями. Они брели в сторону центральной части города молча, едва передвигая опухшие босые ноги (никакая обувь не вместила бы такие ступни). В первые день-два это были единицы, затем их стало заметно больше. Часто многие из этих людей, обессиленные, садились или ложились на землю, чтобы отдохнуть. Не всем удавалось потом подняться. Будучи уверен, что от голода непременно тошмяют, я не сразу понял, что это изголодавшиеся люди. А узнав о причине их страданий, проникся жалостью, но, признаюсь, вид этих несчастных умирающих людей был настолько ужасен, что я, десятилетний мальчик, боялся смотреть на них, как до этого, встречая похорон-

ную процессию, всегда страшился смотреть на мертвецов. Хотелось избавиться от страшного зрелища, как от кошмарного сна. Неизвестно, кто и когда убирал с улицы трупы, но днем, возвращаясь из школы, я не видел никаких следов утренних шествий...

Другое воспоминание о периоде «голодомора» связано с тем, что я однажды увидел на небольшом базаре недалеко от нашей школы. Молодой мужчина, босой, в оборванной одежде, выхватил из корзинки одной из торгующих горбушку темного хлеба весом с полфунта и бросился наутек, но вскоре был пойман. Помню, как жестоко избивали его окружающие, а он не сопротивлялся, не прятался от побоев, лишь жадно запихивал в рот свою добычу...

Горожане в Виннице снабжались хлебом по карточкам, и я не помню свидетельств жестокого голода среди окружавших нас семей и моих соучеников. Моим родителям тоже удалось избежать острой нехватки продуктов питания. Сужу об этом по тому, что детская память не сохранила каких-нибудь периодов недоедания.

Как одна из примет голодного года запомнились куски «макухи», которые носили в карманах некоторые соученики. Это были твердые, с трудом поддававшиеся зубам обломки спрессованных жмыхов подсолнечника, когда-то шедшие в корм скоту, а теперь используемые людьми как ценный продукт питания.

«Голодомор» унес из жизни около семи миллионов человек, но ни в одной из газет того времени об этой трагедии украинского народа ни единым словом не упоминалось...

Осенью 1934 года я пошел в пятый класс. С этого времени у нас были разные учителя, каждый преподавал свой предмет. Учителя в нашей школе в основном были «средненькие». Единственным отличным педагогом был математик. Думаю, что полученные от него знания и привитые им подходы к решению задач в значительной степени обусловили мою любовь к этому предмету и школьные успехи по всем математическим дисциплинам.

В 1936 году наша школа переместилась из тесного старого помещения в просторное здание-новостройку с хорошо оборудованным большим спортивным залом. Годом раньше в «Пионерской правде» были опубликованы нормы спортивных показателей, дававших право на получение значка «Будь готов к труду и обороне». Я начал самостоятельно тренироваться, научился неплохо прыгать в высоту и подтягиваться. Футболистом я был «средненьким». А вот в волейболе благодаря хорошей игре в защите и точным пасамам добился заметных успехов: несмотря на свой небольшой рост, играл за сборную школы и вторую сборную городского дворца пионеров.

С пятого по восьмой класс, как и до этого, учеба давалась мне легко, и я оставался отличником по всем предметам. В эти годы, пожалуй, больше времени, чем школьным занятиям, я уделял спорту, разным кружкам и общественным делам (да и девочками начал понемногу интересоваться).

В конце июня 1938 года, окончив восьмой класс, я покинул Винницу, город моего детства. Впереди был Киев, где уже жили родители и братишка.

Завершая описание своего детства, расскажу о том, как воспринимал я мир на шестнадцатом году жизни.

Формирование моей личности в большой степени происходило под влиянием прочитанного. Начиная со второго класса школы я регулярно посещал детскую библиотеку имени Крупской, размещавшуюся в тесной комнате Народного дома. Читал я очень быстро, так что иногда посещал библиотеку дважды в день. К пятому классу прочитал все имевшиеся там книги о путешествиях и приключениях. А затем страсть к чтению утоляли полуистрепанные приключенческие книги дореволюционного издания, передававшиеся из рук в руки. В основном это были произведения иностранных авторов – от Жюль Верна, Дюма и Конан Дойля до Марка Твена и Джека Лондона. В эти же годы читал все, что было в школьной программе по русской и украинской литературе (само собой, не пропускал газеты). Из современных советских авторов

наибольшее впечатление произвела на меня повесть Николая Островского «Как закалялась сталь» (спустя год-два так же был воспринят «Овод» Войнич). Став постарше, я очень хотел унаследовать черты любимых героев произведений, быть мужественным, сдержанным в выражении чувств, честным и бескорыстным, сильным и ловким. Рисовал в своем воображении картины того, как буду вступаться за слабых и побеждать врагов.

Надо отметить, что почти все опубликованное в нашей стране было направлено (в одних случаях открыто, в других – в подтексте) на воспитание «нового человека», полностью поддерживающего политику коммунистической партии. «Воспитывали» и взрослых, но особое внимание уделяли детям. Начинали с букварей (вот, например, текст из букваря тех времен, посвященный освоению буквы «Ы»: *МЫ НЕ РАБЫ, РАБЫ НЕ МЫ*. Там же на страничке для чтения были приведены воспоминания о детских годах Ленина и слова его любимой песенки: «*Богачу-кулаку по ночам не спится. Бедняк гол, как сокол, пляшет, веселится*»), настойчивее продолжали в «Пионерской правде», а затем и в «Комсомольской правде», регулярным читателем которых я являлся.

Повседневное воздействие мастерски организованной пропаганды имело немалый успех, во всяком случае, у молодежи, а также среди недостаточно образованных людей. Я, например, не сомневался в справедливости всего, что было написано в учебниках истории и обществоведения, в молодежных и «взрослых» газетах. В эти годы я верил практически любому отпечатанному типографским способом слову, считал его истиной в последней инстанции. Я искренне верил, что интересы общества, государства выше интересов личности, что религия отвлекает трудящихся от борьбы за свои права, что классовая солидарность выше патриотизма и т. д.

Разве мог пятнадцатилетний подросток, внимательно читавший газеты и слушавший передачи советского радиовещания, не любить свою страну и не гордиться ею? Ведь нам регулярно сообщали о небывалых достижениях советского народного хозяйства, о героизме наших полярников, о рекордах отечественных авиаторов, о победах молодых советских музыкантов на международных конкурсах! Напомню лишь о нескольких запавших в память событиях и фактах периода 1934—1938 годов, которые были в центре внимания печати и радио, а значит, и моего.

– Досрочно выполнен и перевыполнен первый пятилетний план индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Построены или реконструированы сотни заводов, создано более тысячи машинно-тракторных станций на селе. Построена и пущена в действие крупнейшая в стране гидроэлектростанция Днепрогэс имени Ленина, сделавшая Днепр судоходным до Черного моря. Построена Туркестано-Сибирская железная дорога, соединившая удаленные среднеазиатские окраины с сетью железных дорог страны.

– Отважными летчиками обнаружены и спасены десятки членов арктической экспедиции и экипаж парохода «Челюскин», раздавленного полярными льдами и сразу же затонувшего. Отмечая подвиг полярных авиаторов и умелое руководство спасением людей, правительство присвоило специально учрежденную высшую награду – звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» – группе летчиков и руководителю экспедиции, будущему академику О. Ю. Шмидту.

– Впервые в истории осуществлена авиаэкспедиция на Северный полюс. Здесь на мощной льдине была создана первая в мире долговременная дрейфующая научная станция «Северный полюс» (начальник станции Папанин, ученые Ширшов и Федоров, радист Кренкель). Станция дрейфовала целых полтора года.

– Экипаж одного из лучших летчиков того времени Валерия Чкалова на самолете конструкции А.Н. Туполева проложил воздушный путь в Америку через Северный полюс. И американцы, и советские люди с энтузиазмом встречали отважных летчиков, новых Героев Советского Союза. Вслед за летчиками-мужчинами Полина Осипенко, Валентина Гризодубова и

Марина Раскова выполнили рекордный по продолжительности и дальности беспосадочный полет по маршруту Москва – Дальний Восток.

– С особой торжественностью извещалось о выдающихся трудовых достижениях в промышленности и сельском хозяйстве. Рекорд угледобычи установил забойщик Стаханов, перебивший норму добычи угля за смену в несколько раз (спустя десятилетия открылось, что в этом рекорде было много «липы»). Усилиями партийных органов стахановское движение было распространено по всей стране. Появились стахановцы на транспорте (машинист Кривонос), в легкой промышленности (ткачихи Виноградовы), в других отраслях народного хозяйства. На Украине было организовано движение за получение урожая сахарной свеклы не менее чем 500 центнеров с гектара. Зачинателями движения были звеньевые Мария Демченко и Марина Гнатенко.

– Много сообщалось о гражданской войне в Испании. В качестве «добровольцев» на стороне республиканцев участвовало немало советских профессиональных военных. Такую же поддержку оказывали мятежному генералу Франко Германия и Италия. Несмотря на нашу помощь, война завершилась падением республиканского режима, и тогда советские пароходы доставили в СССР сотни испанских детей, чьи родители-республиканцы пали в боях, оказались в плену, в застенках или были интернированы. Испанских детей поместили в специально оборудованные детские дома, создали все условия для их учебы, досуга, профессиональной подготовки. (Традиционный головной убор испанских ребят – синяя шапочка-пирожок вроде пилотки – быстро вошел в моду у советских пионеров под названием «испанка».)

– Большой успех сопутствовал молодым советским музыкантам, которые в эти годы начали принимать участие в международных конкурсах. Победителями и лауреатами конкурсов стали известные в будущем исполнители Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Яков Флиер, Татьяна Николаева и другие. От имени партии и правительства ценные подарки молодым виртуозам, прославившим страну, вручал лично Сталин.

– Крупными событиями культурной жизни страны стали два памятных мне юбилея – столетие со дня гибели Пушкина и 250-летие (за точность цифры не ручаюсь) поэмы грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

К пушкинскому юбилею было выпущено многотомное академическое издание произведений великого поэта, издано много сборников его поэм и стихотворений. Читались лекции о жизни и творчестве поэта. В Москве состоялось торжественное юбилейное заседание, на котором присутствовало руководство страны. В этот период предприимчивые газетчики умудрялись даже строки великого поэта использовать в пропагандистских целях.

– 5 декабря 1936 года на Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов с докладом о новой Конституции страны выступил Сталин. Вся страна слушала радиотрансляцию этого выступления. (Он говорил с сильно выраженным грузинским акцентом, что для меня оказалось неожиданным.) Сталин объявил, что Советский Союз уже вступил в первую фазу социализма, который, оказывается, можно строить в отдельно взятой стране, не дожидаясь всемирной пролетарской революции (это было чем-то новым в марксистско-ленинской теории социалистической революции). Докладчик заявил, что новая Конституция – самая демократическая в мире. Делегаты много раз прерывали его речь долгими овациями и здравницами. Съезд единогласно утвердил новую Конституцию, которая вскоре стала называться сталинской. Была назначена дата выборов в Верховный Совет СССР. Оставался год для подготовки к этому историческому событию.

Обилие значительных событий, подвигов, выдающихся успехов и рекордов поддерживало мою уверенность в превосходстве нашего общественного строя. Я искренне радовался каждому очередному достижению советских людей, будь то в народном хозяйстве, спорте, в небе или на музыкальном конкурсе. Огорчался неудачам, скорбел, когда случались жертвы.

И мне всегда хотелось быть причастным к этой бурной жизни, участвовать в строительстве светлого будущего.

Конечно, прокатившаяся в 1934—1938-е годы волна жестоких массовых репрессий против «врагов народа и их пособников», которая освещалась всеми средствами массовой информации с невиданным пафосом, не могла остаться незамеченной. Теперь нас учили, что главное дело советских людей – это «разоблачение врагов народа, шпионов и диверсантов». Пропагандистская машина безостановочно твердила о «коварных методах иностранных разведок» и о «замечательных примерах бдительности советских людей».

Помню, например, что в «Пионерской правде» из номера в номер печаталась остро сюжетная повесть «Дядя Коля – мухолов». Она рассказывала о бдительном юном пионере, едва не погибшем от рук шпиона, который под видом советского ученого-энтомолога хотел сфотографировать военный объект. «Воспитательную» макулатуру такого рода публиковали не только молодежные газеты и журналы.

Информацию о почти ежедневных разоблачениях и арестах многих виднейших партийных, хозяйственных и военных деятелей публиковали все газеты. Репрессировали не только высокопоставленных лиц, «забирали» и руководителей среднего звена, и (без публикаций в газетах, поэтому казалось, что реже) простых смертных. Даже я, в то время вполне «коммунистически мыслящий мальчик», не мог понять, как и почему происходят эти метаморфозы. Однако всерьез задумываться над происходившим и сомневаться в справедливости официальных сообщений я начал по-настоящему лишь года через полтора-два, а до того верил пропаганде.

Страх оказаться под набравшим обороты катком массовых репрессий заставлял многие семьи пересматривать архивы, фотоальбомы, уничтожать все, что могло бы послужить компрометирующим материалом в случае обыска. Мой беспартийный отец работал тогда бухгалтером. В начале 1937 г., когда руководителя конторы «забрали», отец достал групповой снимок сотрудников конторы и тщательно залил чернилами изображение новоиспеченного «врага народа». Пришлось и мне поступить похожим образом. Среди похвальных грамот, полученных мной «за отличную учебу и активное участие в общественной работе», была одна с портретами украинских «вождей» Косиора и Постышева. Первым из них уничтожили Косиора (впрочем, спустя пятьдесят лет ему был установлен памятник в Киеве). Как только я узнал об аресте нашего первого секретаря, добросовестно замарал на моей грамоте овал с его портретиком. Спустя год или два такая же судьба постигла и Постышева. На этот раз я счел достаточным лишь перечеркнуть крест-накрест изображение недавнего кумира (ведь раньше говорилось о том, что это он вернул в дома граждан страны новогоднюю елку, ранее запрещенную как рождественскую, а также был инициатором создания дворцов пионеров и дворовых «пионерских форпостов»).

Счастливым образом в эти ужасные годы среди наших многочисленных родственников и близких знакомых никто не пострадал и даже не был арестован...

Глава 2 Киев

Отличник из провинции в столичной школе

Почти все школы центральной части Киева размещались в хороших помещениях. Особенно гордились киевляне несколькими недавно построенными типовыми трехэтажными школьными зданиями с просторными классными комнатами и спортивными залами. На этом фоне школа-десятилетка № 98, в девятый класс которой меня зачислили, выглядела совсем убого. Школа занимала два верхних этажа старого четырехэтажного здания, здесь было тесно и неудобно.

В первый день учебы никого из учеников класса, кроме соседа по парте, я толком не разглядел, но какое-то общее впечатление все же сложилось. Мои новые соученики показались мне заметно взрослее, солиднее и даже крупнее винницких ребят. В большинстве своем здешние парни и, особенно, девушки были одеты значительно наряднее моих прежних соучеников. Я сразу обратил внимание на двух соучеников, щеголявших в ладно сшитых дорогих коверкотовых костюмах (позже я узнал, что один из них был сыном профессора автодорожного института, а отец второго заведовал винным магазином). Бросалось также в глаза, что некоторые девушки носят туфли на высоком каблуке (в Виннице это рассматривалось бы как недопустимая для школьниц вольность).

На третий день учебы с самого утра всех девятиклассников, состоявших в комсомоле, вызвали в учительскую и сообщили, что объявлен дополнительный набор в девятый класс средней специальной артиллерийской школы. Желаящие поступить в нее должны через час прибыть в расположенную недалеко спецшколу. Решение надо было принять немедленно, советоваться было не с кем, и я, как сознательный комсомолец, вместе с пятью парнями из нашего и параллельного классов спустя полчаса оказался в назначенном месте.

Киевские спецшколы

О спецшколах я кое-что знал от двоюродного брата, поступившего в восьмой класс такой школы годом раньше. В Киеве, помнится, было две артиллерийских спецшколы и одна авиационная. Обучение в них продолжалось три года. Принимали туда только мальчиков, причем строго проверяли не только знания поступающих, в первую очередь по математике и физике, но также состояние их здоровья и, как легко догадаться, анкетные данные. Несомненно, что, создавая спецшколы, государство стремилось существенно повысить качество подготовки командиров Красной армии, получить через три-четыре года большой отряд всесторонне развитых, отлично знающих свою военную специальность молодых командиров среднего армейского звена.

В киевских спецшколах учили хорошо, но трудиться в них учащимся приходилось несравненно больше, чем в старших классах обычных десятилеток. Наряду с изучением в полном объеме общеобразовательных предметов средней школы, здесь уделялось особое внимание физической и военной подготовке, а это удлиняло все учебные дни недели. Кроме того, один месяц летом учащиеся проходили стажировку в военных училищах или находились на лагерных сборах. Одной из самых привлекательных льгот учащимся спецшкол было бесплатное военное обмундирование. «Защитного» цвета форма (потом этот цвет станут называть «хаки»), превращавшая любого парня в стройного, подтянутого молодого военного, была предметом гордости каждого спецшкольника, символом превосходства над «штатскими» ровесниками. С каким удовольствием и как ловко эти ребята прикладывали ладонь к козырьку фор-

менной фуражки, отдавая честь каждому встречному военному, как старательно печатали шаг, проходя мимо старших по званию!

Киевским спецшколам предоставили лучшие школьные помещения, педагогический персонал набирали из числа самых квалифицированных и опытных учителей города. Нанимали инструкторов, которые обучали будущих командиров бальным и «западным» (фокстрот, танго и вальс-бостон) танцам, а также некоторым правилам этикета. Время от времени в спецшколах проводили «вечера дружбы» с обычными школами. Изюминкой этих вечеров были танцы, в которых обученные спецшкольники демонстрировали свое превосходство над штатскими парнями.

(Выпускников спецшкол довоенных наборов ожидали тяжкие испытания. Почти все они, пройдя после выпуска ускоренное обучение в училищах, в первый год войны оказались на фронте, доблестно и умело сражались с захватчиками. Лишь немногие из них вернулись с войны. Спустя годы память о киевских спецшкольниках-артиллеристах, павших в боях за Родину, увековечил барельеф, установленный на фасаде здания, где они когда-то учились.)

Вернусь к тому часу, когда мы явились в спецшколу. Здесь уже было человек десять ожидавших очереди. Первым делом каждого подвергли обстоятельному медицинскому обследованию. После проверки зрения со мной попрощались: со зрением —0,1 в спецшколу не принимали. По разным причинам отсеяли еще нескольких. Из нашей группы в спецшколу приняли только двоих...

Проходили дни, и я все ближе знакомился со школой, учителями, ребятами, постепенно утверждался в этом коллективе. Почти всю первую четверть меня не покидал комплекс провинциала. Вслушиваясь в разговоры соучеников во время перемен, я обнаруживал, что не понимаю некоторых выражений местного жаргона, незнаком с фактами школьной жизни, которые обсуждаются, не реагирую на некоторые остроты, от которых все, кроме меня, хохочут. Я верил, что скоро стану «своим» и здесь, но поначалу мне было как-то некомфортно.

А вот в учебных делах ущербности я не ощущал, чувствовал себя довольно уверенно. Киевские преподаватели были несравненно лучше винницких. Слушая ответы учеников, понимал, что средний уровень знаний и общее развитие киевских ребят заметно выше того, что было в Виннице, и поэтому мне надо много трудиться, чтобы оказаться здесь «лучшим из лучших» в классе, как было в прошлые восемь лет, или по меньшей мере стать «одним из лучших». Заниматься дома было очень непросто: наша семья из пяти человек, включая маминого отца, жила в крохотной комнатухе. Но несмотря ни на что я добился желаемого, и все мои оценки за первую четверть были «отлично».

Вера

В первый же месяц учебы в новой школе я подружился с двумя неразлучными Борисами, Шпильским и Голодом. Теперь свободное время мы обычно проводили втроем, чаще всего бродили по новым для меня улицам центральной части Киева. Друзья знакомили меня с городом, рассказывали о себе, о соучениках и, конечно, о соученицах. Иногда мы говорили о прочитанном в книгах и газетах, обсуждали события в мире. Во время одной из бесед с Борисами мне было доверительно рассказано о том, что в минувшем учебном году они по очереди влюблялись в Веру Маковчик, «дочь большого железнодорожного начальника», но серьезных успехов не достигли. С того дня я, еще новичок в классе, стал украдкой все больше обращать внимания на Веру, прислушиваться к ее ответам на уроках. Были в этом классе девушки ярче ее, более броско одетые, активнее и громче. Однако эта на редкость скромная, но уверенная

в себе девушка, шатенка с приветливо глядящими чуть-чуть по-азиатски разрезанными серо-голубыми с коричневым глазами привлекала меня все сильнее.

Как одна из форм комсомольской работы в классе время от времени после уроков ученики проводили беседы на различные темы (по искусству, истории, науке и технике). Первый доклад, который я услышал, делала Вера. Он был посвящен жизни и творчеству П.И. Чайковского. Услышанное произвело на меня сильное впечатление. Построение и содержание доклада, обилие неизвестных мне фактов, чистая речь докладчицы, ее непринужденное общение с аудиторией вызвали во мне еще больший интерес к Вере, желание поближе познакомиться с ней. Перед осенними каникулами я осмелился попросить у нее книгу о Чайковском (пожалуй, это было благовидным предложением для того, чтобы пообщаться с Верой). Прошел еще месяц, все большее место она стала занимать в моих мыслях. Время от времени я встречался с ней в составе компании, по дороге в школу или из школы, иногда мы прогуливались втроем-вчетвером (неизменной спутницей Веры была влюбленная в нее подруга Люся). Не будучи уверен в Вериной взаимности, я осторожно пытался найти пути к сближению.

До мельчайших подробностей помню знаменательный вечер 21 декабря 1938 года. Закончив приготовление уроков на завтра, я вдруг захотел непременно увидеть Веру. Придумал предлог и с уличного таксофона, робея, впервые позвонил ей домой. (В те годы квартирные телефоны в Киеве были большой редкостью. Но высокий пост Василия Александровича, Вериного отца, – он был начальник службы движения Юго-Западной железной дороги, – давал ему право на домашний телефон.) Попросил у Веры на время эскиз какого-то чертежа, который надо было выполнить спустя несколько дней. Вера сказала, чтобы я пришел за эскизом, она встретит меня в подъезде их дома. Зайдя в парадное, я увидел приветливо улыбающуюся Веру в наброшенной на плечи шубе ее матери. В Вериных руках не было никаких чертежей, и мгновенно мелькнула мысль: «Похоже, меня хотят видеть подольше!» Я последовал за Верой в их квартиру на третьем этаже. Из-за входной двери слышался патефон – кумир публики народный артист Лемешев исполнял «Метелицу».

Мы вошли в гостиную, здесь были Верины младшие сестры Надя и Люба. Как-то незаметно Вера помогла мне избавиться от скованности, робости первых минут пребывания в незнакомом доме. В этот вечер она рассказала, что в детстве обучалась игре на пианино, и даже сыграла что-то из «Времен года» Чайковского. Вскоре появилась Верина мать Агриппина Семеновна. Она сразу заговорила со мной о книгах, рассказала о недавно ею прочитанном, поинтересовалась моим мнением о новых фильмах. Все было очень естественным, и я почувствовал себя как среди давно знакомых людей.

После этого визита мои акции у Веры явно поднялись. Мы стали встречаться довольно часто, даже Люся перестала сопровождать нас. Я многое узнал от Веры во время наших долгих вечерних прогулок. В отличие от меня, выросшего в провинциальной, ничем не примечательной Виннице, Вера к этому времени уже побывала и в Запорожье, где видела торжественный пуск Днепрогэса, и в легендарном городе на Неве, и даже в экзотическом Ташкенте. Моя подруга была отличной рассказчицей, а все, о чем говорилось, было так ново и интересно, что время пролетало незаметно. Нередко, обнаружив, что уже перевалило за одиннадцать, мы бегом возвращались по домам, чтобы избежать гнева родителей.

Временами мы посещали читальный зал центральной библиотеки, где читали книги, которых не было на абонементе. Несколько раз готовились там к сочинениям по русской литературе, подбирая цитаты в дореволюционных сборниках критических статей о творчестве классиков XIX века.

Наша дружба становилась все крепче, и весной 1939 года мы с Верой обменялись фотографиями, которые сохранились до настоящего времени. В ответ на мою крохотную, размером 3x4 см, карточку я получил профессионально сделанный снимок, на котором удивительно живая улыбающаяся девочка Вера с неизменной скругленной челочкой в углу лба смотрит

на меня добрым, веселым, с едва заметной лукавинкой взглядом. На обороте – надпись «Изе от Веры в знак дружбы. 2 мая 1939 г.». Я почувствовал себя счастливым и каждый день тайком смотрел влюбленными глазами на Верино изображение. (Этому бесценному подарку было суждено пройти всю войну в нагрудном кармане моей гимнастерки, вместе со мной он побывал и под дождями, и в речной воде, и на морозе. В результате любимый портрет оказался сильно пострадавшим, но он мне по-прежнему дорог, я его бережно храню. К счастью, в семейном архиве нашелся другой, отлично сохранившийся отпечаток замечательного снимка.)

Несмотря на частые вечерние прогулки и другие отвлекающие от учебы занятия, девятый класс мы оба окончили на «отлично».

Осенью того же года, уже будучи десятиклассниками, мы по-прежнему были неразлучны. Однажды в ноябре, прогуливаясь по дорожкам бывшего Царского сада, мы обсуждали какую-то конфликтную, как мне казалось, ситуацию, возникшую между нами накануне. После того как Вера объяснила, что она непричастна к причине недоразумения, я снова почувствовал себя счастливым. Через несколько минут, набравшись храбрости, признался Вере, что люблю ее. В ответ услышал сказанное вполголоса: «И я тоже...» А спустя несколько дней, поздним вечером в том же парке, сидя на скамейке, я неожиданно привлек любимую к себе и поцеловал в щеку. Мы оба замерли. Я побаивался протеста или выговора, к счастью, их не было, а Вера молча прильнула ко мне... Потом у нас было много счастливых вечеров. Иногда возвращались домой далеко за полночь.

Овладевшее нами чувство не оборвало дружеских контактов с товарищами и подругами, мы по-прежнему оставались примерными учениками, при этом успевали много читать, часто ходить в кино, время от времени посещать театры, участвовать в школьных кружках, олимпиадах, спортивных мероприятиях. Зима 1939/40 г. была лютой, шла недоброй памяти война с Финляндией (я с Борисами даже обсуждал, не сбежать ли нам на фронт, чтобы помочь Красной армии). К счастью, война в марте закончилась.

Наступило время выпускных экзаменов, поступления в институт. Мы с Верой давно решили поступать на спецфак Киевского индустриального института. Оба закончили школу с похвальными грамотами (в те годы медалей еще не было) и были освобождены от вступительных экзаменов, потребовалось лишь заполнить огромные анкеты и пройти короткое собеседование. В августе стало известно, что Веру приняли на спецфак, а меня – на химический.

Студент

Первые недели учебы в институте – это почти ежедневные удивительные открытия. Во-первых, по каждому предмету существовало несколько разных учебников, а во-вторых, лекции здешних профессоров и доцентов совершенно не соответствовали текстам учебников. Сразу стала понятной роль конспектов.

Моей школьной подготовки в целом оказалось достаточно для того, чтобы, прилагая определенные усилия, овладевать институтской наукой. Заниматься дома стало удобнее: семья теперь жила в отдельной двухкомнатной квартире.

Каждый получасовой перерыв между лекционными «парами» в течение всех дней учебы я проводил с Верой. Благодаря этому я был в курсе всех событий на первом курсе спецфака, познакомился с несколькими Вериными сокурсниками, которые спустя десять лет станут моими коллегами в конструкторском бюро.

Из Вериных рассказов о преподавателях спецфака узнал, что самые интересные лекции им читает полуслепой профессор физики Губарев. Он часто говорил студентам, что превыше других ценит английских физиков, не раз объявлял о своей антипатии к немцам. (После окончания войны стало известно, что оставшийся в оккупации Губарев не подвергался преследованиям, а перед отступлением немцев уехал на Запад. Кстати, и мой преподаватель физики

доцент Солодовников оставался в Киеве, сотрудничал с властями и был кем-то вроде министра высшего образования оккупированной Украины.)

Учиться в институте было намного труднее, чем в школе, но и несравненно интереснее. Кроме того, благодаря пресловутому «синдрому отличника» и желанию получать стипендию, которую назначали только успевающим, я учился усердно и добился полного успеха: четыре пятерки из четырех возможных. Я стал заметной личностью на химфаке, и вскоре меня, несмотря на мое сопротивление, ввели в состав факультетского комсомольского бюро ответственным за учебный процесс и успеваемость студентов.

Не так блестяще, как я, но вполне хорошо завершила семестр и Вера.

После успешно завершеного первого семестра мы с Верой окончательно осмелели, стали часто пропускать малоинтересные лекции, менее старательно готовиться к семинарским занятиям и коллоквиумам. Тем более что наступившая весна 1941 года звала на волю из душных аудиторий, и мы не отказывали себе в удовольствии часто гулять по зазеленевшим паркам. Еще с января мы начали регулярно посещать кино, театры, концерты. А минувшей осенью я приобщил Веру к сообществу футбольных болельщиков, и теперь она часто ходила со мной на стадион «Динамо».

Добавлю, что теперь мой интерес к событиям, происходившим в стране и в мире, еще более возрос: ведь мир менялся на глазах – началась Вторая мировая война. Газеты и радио были главными источниками информации.

Несмотря на весьма активное участие в культурной жизни Киева, к весенней сессии, начавшейся в мае 1941 года, мы пришли неплохо подготовленными. Вот уже позади все зачеты, успешно сданы первые экзамены. С нетерпением ожидаем воскресенья 22 июня – на этот день назначено открытие нового гигантского, на 50 тысяч мест, Центрального стадиона. (Стадион, первоначально носивший имя Косиора, строили долго. За эти годы Косиора «разоблачили и ликвидировали», а еще недостроенное сооружение называли именем недавно переведенного на Украину из Москвы Хрущева.) Билеты на принципиальную встречу киевских динамовцев и московских армейцев я купил заблаговременно. Несмотря на то что во вторник у меня экзамен по физике, начиная с субботы, все мои мысли – о предстоящем матче.

В ночь на воскресенье я сквозь сон слышал звуки, напоминавшие раскаты грома. Помню, что в полусне сердился: до чего же надоели эти учебные воздушные тревоги, только спать мешают! (В те месяцы такие тревоги объявляли довольно часто.) Утром я проснулся позже обычного. Погода радует, настроение отличное – сегодня футбол! После утреннего душа вхожу в комнату, и в это время черная тарелка нашего радиорепродуктора каким-то нехорошим голосом объявляет: «Внимание! В двенадцать часов по московскому времени слушайте важное правительственное сообщение» – и повторяет эти странные слова много раз подряд.

Ладно, думаю, футбол в четыре, успею послушать, а потом приоденусь и зайду за Верой. Дождался, послушал, узнал – **ВОЙНА**.

Об этом – следующая часть воспоминаний.

Часть вторая **ВОЙНА**

Глава 3 **Как я встретил войну**

Киев – первые дни войны

...И действительно, в двенадцать часов дня из репродуктора послышался голос второго лица в государстве, народного комиссара иностранных дел Молотова. Слегка заикаясь, он сообщил (цитирую по памяти): «Сегодня, 22 июня, в четыре часа утра, без объявления войны Германия вероломно напала на Советский Союз. Немецкая авиация бомбила города Киев, Севастополь, Одессу, Брест...» Короткое обращение Молотова ко всем гражданам СССР закончилось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Это историческое выступление я слушал вместе с отцом, дедушкой и десятилетним братишкой. День 22 июня был по-настоящему летним, и я до полудня расхаживал по квартире в спортивных сатиновых трусах, обдумывая, во что оденусь, когда пойду на стадион. В таком виде я и присел к нашему обеденному столу, чтобы слушать объявленное сообщение. Помню, что после первых слов Молотова у меня задрожали колени (а ведь страха я точно не испытывал). А когда закончилась передача, вдруг громко всхлипнул отец. После услышанного мне не терпелось пообщаться с Верой, я быстро собрался и вскоре был у нее.

Вера была занята небольшой стиркой. О войне она уже знала: ее отца ночью вызвали на работу. Мы с Верой не осознавали серьезности происшедшего, надеялись, что «могучая и непобедимая» Красная армия в два-три дня разделается с наглым агрессором. Уверенные в этом, мы вскоре бодро зашагали в сторону стадиона. До четырех еще было довольно далеко, но братья-болельщики уже тянулись к заветной площади, что рядом с театром музкомедии. В центре площади мы увидели несколько готовых к подъему аэростатов заграждения с огромными бухтами металлических тросов, затем прочитали написанное от руки объявление на стене театра: «В связи с войной открытие стадиона переносится. Новая дата открытия будет объявлена дополнительно. Билеты действительны».

До экзамена по физике оставалось всего полтора дня, поэтому вечер я посвятил чтению учебника. Одновременно прислушивался к сообщениям, доносившимся из постоянно включенного репродуктора. Увы, вместо ожидаемых победных сводок с театра военных действий передавали патриотические репортажи с митингов и собраний, выступления ветеранов Гражданской войны, заявления добровольцев. О ходе войны говорилось редко и невразумительно. Глядя в учебник, я каждые несколько минут ловил себя на том, что думаю не о физике, а о войне.

Сейчас пытаюсь представить себе, что чувствовал, о чем мог думать в тот вечер.

Со школьных лет я гордился успехами своей страны, к их числу прибавились недавние впечатляющие победы Красной армии на Дальнем Востоке (озеро Хасан, Халхин-Гол, где были наголову разбиты японские дивизии). Появились новые Герои Советского Союза, стали известны отличившиеся там военачальники Штерн и Жуков. (Правда, после этих побед короткая, но бесславная война с Финляндией основательно ослабила мою веру в мощь наших вооруженных сил.)

Много сомнений возникло, когда неожиданно был подписан пакт Молотова – Риббентропа, круто изменивший политику СССР. К тому времени мое отношение к Германии было вполне сложившимся. Я знал о вкладе немецкого народа в мировую культуру и науку, помнил имена видных философов прошлых веков, писателей и поэтов, композиторов. Был неплохо

осведомлен о достижениях немецких ученых и инженеров, особенно в областях физики, химии, электротехники. Еще в детские годы был научен родителями и запомнил навсегда: немцы – самые аккуратные, самые пунктуальные люди в мире.

Со дня подписания советско-германского пакта тон нашей прессы стал неузнаваем. Исчезла критика немецкой внутренней и внешней политики. Регулярно публиковались сводки немецкого главнокомандования о победах в Западной Европе, вызывавшие невольное уважение к немецкому вермахту (запомнились блестяще осуществленные блицоперации по захвату Нидерландов, Бельгии, Дании, Норвегии). Публиковались некоторые лозунги фашистской пропаганды, напоминавшие антиимпериалистические установки нашей партии. Из того, что советская пресса не опубликовала ни слова осуждения немецкой экспансии в Европе, следовало – мы на их стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.